

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. А. МАШКИН, Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность, Издательство АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 686, рис. 34, табл. 10. Ц. 40 р.

Последнее столетие до нашей эры занимает исключительное место в истории западного культурного мира. В течение этого необычайного столетия, насыщенного великими событиями, сложилась в своих основных очертаниях Римская держава. Ярким пожаром разгорелся в ней огонь гражданских войн, и в этом огне исчезла Римская республика. На смену ей пришел новый политический строй, хотя и одетый в старые республиканские одежды,—военная монархия, вошедшая в историю под именем «империи». Она просуществовала пять веков и погибла под мощными ударами революции, подготовив основу для развития новой Европы. Таким образом, последнее столетие старой эры является одним из важнейших пунктов мировой истории, на много веков определившим дальнейшее развитие.

Политическим образованием, которое завершило гражданские войны первого столетия и вместе с тем стало исходной точкой развития империи, был принципат Августа. В своеобразной форме принципата выступила диктатура рабовладельцев, подавившая последние вспышки революционного движения и обеспечившая более или менее устойчивый гражданский мир. В форме принципата зародилась империя, история которой в известном смысле была историей развития элементов, заложенных в основе принципата.

Нет ничего удивительного поэтому, что проблема возникновения монархии Августа и ее социально-политической сущности в течение многих столетий привлекала острое внимание историков различных общественно-экономических формаций и всех направлений. Одни видели в Августе тирана, задушившего революцию и уничтожившего республику, другие — образец монарха, которому надлежит подражать. Особенно повышался интерес к принципату Августа в «критические» эпохи западноевропейской истории: во времена французского абсолютизма, накануне французской буржуазной революции, в периоды обеих бонапартистских монархий и во второй половине XIX в. в связи с образованием германского государства. Наконец, в наши дни фашистские фальсификаторы истории в Италии и Германии тоже порывались рядить в тогу римских принцев своих правителей, чтобы оправдать их узурпацию и их кровавую политику.

Важно отметить, что в русской дворянско-буржуазной историографии античности, наоборот, интерес к Августу был очень слаб. Кроме работы В. И. Герье «Август и установление Римской империи» («Вестник Европы», 1877, №№ 6—8), в русской дореволюционной науке не было ни одной крупной статьи, посвященной принципату Августа. Нам кажется, что это отсутствие интереса к одному из самых важных периодов римской истории объясняется общим, относительно более прогрессивным и более либеральным, характером русской исторической науки по сравнению с западноевропейской. Корни этого явления кроются в условиях истории России XIX в. Август не при-

влекал внимания русских историков-либералов, потому что он был символом самодержавия.

Что же касается демократической части русской интеллигенции, то ее отношение к основателю Римской империи ярко проявилось уже в замечательных стихах А. Н. Радищева:.

*И се, скончав граждански брани
И свет коварством обольстив,
На небо простирая длани,
Тревожну вольность усыпив,
Чугунный скиптр обвил цветами,—
Народы мнили — правят сами,—
Но Август выю их давил.*

Ода «Вольность»

Такое отношение, конечно, не содействовало популярности научной тематики, связанной с принципатом, в условиях дореволюционной России.

Однако советская историография в этом вопросе может и должна покончить со старой традицией. Только она одна, опираясь на марксистско-ленинскую методологию, может вполне объективно, «без гнева и пристрастия», подойти к проблеме принципата. Только она одна может встать на единственно возможную в этом вопросе историческую точку зрения.

Проблема возникновения принципата и его классовой природы принадлежит, как мы уже указывали, к числу важнейших вопросов всемирной истории, и обязанность историка-марксиста состоит в том, чтобы пролить свет и на эту проблему, чрезвычайно осложненную двадцатью столетиями работы ограниченной и порочной классовой историографии.

Однако до последнего времени советские историки не занимались сколько-нибудь углубленно принципатом Августа. Дело ограничивалось несколькими страницами в общих курсах гражданской истории, истории литературы или искусства. Происходило это, конечно, не потому, что мы недооценивали важности проблемы или не понимали своей обязанности сорвать покровы, окутывавшие «тайну» рождения Римской империи. Дело объяснялось тем, что силы историков-античников за последние годы были направлены главным образом в сторону создания учебников и учебных пособий. Эта задача на данном этапе являлась совершенно неотложной. Теперь она в известной части решена, и за один только 1949 г. появилось несколько монографических исследований по древней истории.

Самое значительное из них — большая монография Н. А. Машкина «Принципат Августа». Ее выход в свет — крупнейшее событие на советском историческом фронте. Сама тема, глубина ее разработки и объем монографии делают из нее выдающееся произведение советской исторической науки.

Монументальное исследование Н. А. Машкина делится на «Введение» и две части. «Введение» посвящено проблеме возникновения римского цезаризма. Первая часть («Генезис принципата») содержит историю гражданских войн после смерти Цезаря, подготовивших единодержавие Октавиана. Вторая часть («Принципат Августа») исследует политическую форму и социальную сущность принципата. Наконец, обширные приложения, занимающие 72 страницы, содержат описание монет, перечень источников, указанных в тексте книги, указатель именной и предметный и перечень иллюстраций и таблиц.

Автор совершенно прав, когда он начинает свое изложение с Цезаря и затем подробно останавливается на гражданских войнах после его смерти, хотя при всей важности этого отдела римской истории самого по себе все-таки для принципата гражданские войны были только его предпосылкой. С этой точки зрения взгляд Н. А. Машкина, развитый им на стр. 5, страдает некоторой неясностью: «Таким образом, — пишет он, —

предпосылки принципата следует искать в социальной истории II и I вв. до н. э. Но видеть во всей многообразной истории этого времени лишь преддверье к принципату было бы неверно... Нет поэтому никаких оснований видеть в истории II и I вв. лишь подготовку римской монархии» (стр. 5). Это абсолютно правильно, если брать римскую историю в целом. Но, повторяю, для историка, который занимается генезисом и социальной природой принципата Августа, все предшествующее — только его предпосылки. Это, конечно, не означает, что Н. А. Машкину нужно было в какой-нибудь степени упрощать проблемы, связанные с диктатурой Цезаря и с гражданскими войнами 44—31 гг.

Самой ценной частью «Введения» является анализ социальной природы цезаризма. Отправляясь от определения бонапартизма, данного классиками марксизма-ленинизма, и учитывая своеобразие римского рабовладельческого общества, Н. А. Машкин приходит к совершенно правильным, на наш взгляд, выводам. Сходство римского цезаризма с бонапартизмом он усматривает в том, что цезаризм также возникает в результате узурпации, что он опирается на армию и что для него характерно лавирование между различными социальными группами. Однако при этих чертах внешнего сходства цезаризм отличается от бонапартизма рядом внутренних признаков. Цезаризм, во-первых, является плодом разложения римской рабовладельческой демократии. Во-вторых, он опирается на профессиональную наемную армию. В-третьих (и это самое главное), лавируя между различным и прослойками римского общества, цезаризм исключает из этого лавирования рабов:

«Бонапартизм,— пишет Н. А. Машкин,— был обусловлен определенным соотношением различных классов буржуазного общества: буржуазии, пролетариата, крестьянства. Если мы возьмем политику римского цезаризма по отношению к различным классам римского общества в середине I в. до н. э., то мы должны будем отказаться от аналогии. У Юлия Цезаря не было никакой особой политики по отношению к рабам» (стр. 81).

Это совершенно верно, и в этом заключается принципиальное внутреннее отличие цезаризма от бонапартизма. О принципиальном отличии «преторианского режима» писал Энгельс в письме к Маркусу от 3 декабря 1851 г.: «...возможен ли преторианский режим периода римской империи, предпосылками которого являлись совершенно повоевному организованное обширное государство, обезлюдившая Италия и отсутствие современного пролетариата,— возможен ли такой режим в географически-концентрированной, густо-населенной стране, как Франция, обладающей многочисленным промышленным пролетариатом»¹.

В советской исторической литературе нам неизвестно ни одной попытки дать анализ военной диктатуры Цезаря с точки зрения ее сравнения с бонапартизмом, исходя из марксистско-ленинского понимания бонапартизма. Попытка Н. А. Машкина является первой и, как мы указывали выше, очень удачной.

В этом же «Введении» нам хотелось бы отметить пересмотр общепринятого взгляда на Клодия как только на агента Цезаря. Н. А. Машкин полагает, что после отъезда Цезаря из Рима Клодий проводил свою самостоятельную политику, не зависящую от Цезаря. Движение, которым руководил Клодий, «скорее всего... было движение люмпен-пролетарских слоев городского римского населения в условиях кризиса римского государства» (стр. 35). Это, конечно, несколько не противоречит тому, что «Клодий был беспринципным политиком» (там же). Наоборот, люмпен-пролетарский характер движения в целом не исключает, а предполагает беспринципность его вождя (само собой разумеется, последнее не должно означать, что все другие политики эпохи конца республики были принципиальными людьми!).

Переходим к первой части монографии. Не останавливаясь на частностях, здесь необходимо подчеркнуть несколько важных моментов. Автор правильно считает, что в событиях второй половины 40-х годов аграрный вопрос занимал очень важное место.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 303.

Он оспаривает широко распространенное представление, что для ветеранов обладание землей не имело никакого значения: «...Не для всех ветеранов обладание собственным участком было кратковременным и преходящим» (стр. 145). Поэтому в аграрном законе Люция Антония, в проскрипциях и конфискациях земли, в выведении колоний ветеранов нужно в конечном счете искать аграрную подоснову: «Это была модификация борьбы между крупным и мелким землевладением, столь характерной для римской истории эпохи республики» (там же). В результате бурных событий 40-х годов выиграла средняя и мелкая земельная собственность: «Мы имеем все основания утверждать, — пишет Н. А. Машкин, — что в результате проскрипций и гражданской войны возрастает удельный вес средней и мелкой земельной собственности в Италии» (стр. 301).

Прекрасно написана глава «Союз цезарианцев и кризис рабовладения» (стр. 176—198). Комментируя манифест триумвиров, приводимый Аппианом, Н. А. Машкин правильно отмечает социально-классовые предпосылки проскрипций, «антиаристократические и антиплутократические тенденции» солдат, которые стояли за спиной триумвиров и давили на их волю: «Солдаты получали возможность расправиться с теми, кто по своему богатству и знатности стоял на верху социальной лестницы» (стр. 180). Это не исключает того, что проскрипции были для триумвиров способом расправиться со своими политическими противниками и добыть средства для борьбы с республиканцами. Но учет социальных сил (пусть эти силы были в значительной своей части деклассированной военщиной) помогает глубже вскрыть общественную закономерность событий 43—42 гг. и отделаться от слишком «персональной» трактовки второго триумvirата.

В господстве триумвиров автор видит новую фазу цезаризма, «когда от политики лавирования цезарианские вожди переходят к неприкрытому господству, опирающемуся исключительно на войско» (стр. 197). Однако эта форма власти не могла обеспечить «охрану устоев рабовладельческого общества» (стр. 196). Система проскрипций приводила к нарушению рабовладельческой собственности, восстанавливала рабов против господ, окончательно разрушала семью. «В этом и заключается сущность того социального кризиса, который начался после смерти Цезаря и продолжался более десятилетия» (там же).

Очень интересны соображения Н. А. Машкина относительно исторической достоверности описаний проскрипций, сохранившихся у Аппиана и других античных авторов. Сравнивая эти описания с данными надписи, известной под названием *laudatio Thuriae*, Н. А. Машкин приходит к важному выводу: «Таким образом, надпись помогла нам признать рассказы о проскрипциях, несмотря на всю кажущуюся фантастичность, в основе своей восходящими к реальной действительности и базирующимися на документах, современных событиям. Лишь отдельные рассказы сочинены для доказательства тех или иных положений, служивших темами для риторических упражнений, но таких рассказов, повидимому, мало» (стр. 184). И еще один важный момент, касающийся проскрипций, отмечает автор. Проскрипции сломали всякое возможное организованное сопротивление триумвирам в Риме и Италии и, таким образом, лишили Брута, Кассия и Секста Помпея всякой поддержки внутри Италии (стр. 192).

В главе «Битва при Актии и ее следствия» Н. А. Машкин выдвигает остроумную гипотезу о том, на какие силы опирался на Востоке Октавиан в период войны с Антонием. Если Антоний искал опоры в восточных династиях, то Октавиан противопоставлял ему «деловые круги греческого населения». Возможно, что эта поддержка Октавиана греческими полисами и объясняет нам быстрое падение авторитета Антония в Азии и Сирии (стр. 286).

Постановка широких методологических проблем является чрезвычайно ценной чертой рецензируемой работы. Умело применяя основные положения марксистско-ленинской методологии, автор использует их для того, чтобы вскрыть закономерность в кажущемся хаосе событий. Выше мы указывали на правильный анализ социальной природы военной диктатуры Цезаря, выполненный Н. А. Машкиным. Аналогичный анализ производит он, чтобы решить вопрос, могут ли быть названы революцией события 44—30 гг. Критикуя «методологическую» путаницу, существующую в этом вопросе у буржуазных историков, и опираясь на исследования советских авторов, Н. А. Машкин

приходит к правильному заключению, что гражданские войны конца республики нельзя считать революцией.

Переход к империи, конечно, был известным выходом из кризиса, в котором большую роль играло «революционное движение рабов и низших слоев свободного населения» (стр. 296). Однако «видеть во всяком перевороте революцию значит отказываться от объективного познания прошлого» (там же). Гражданские войны не привели к глубоким социальным преобразованиям и закончились только политическим переворотом. Этот переворот был новой формой военной диктатуры, новой формой цезаризма, получившей название принципата.

Исследованию политической формы и социальной сущности принципата Августа посвящена вторая, главная часть монографии Н. А. Машкина. В ее первых разделах (стр. 311—376) автор занимается источниковедческими и историографическими проблемами, относящимися к принципату, в частности, подвергает исчерпывающему анализу основной исторический источник эпохи — *Res gestae divi Augusti* (стр. 311—328).

В связи с этим уместно будет коснуться постановки этих проблем в монографии в целом. Три основных ее раздела (введение и две части) включают обзоры источников и литературы (особенно подробны они во второй части). Эти обзоры представляют большую ценность. Не стремясь к исчерпывающему перечислению всех работ, посвященных принципату (это было бы технически невозможно и едва ли целесообразно по существу), Н. А. Машкин подвергает разбору основные произведения. Здесь необходимо особо подчеркнуть большое внимание, которое он уделяет работам русских дореволюционных и советских исследователей. В ряде случаев автор отмечает приоритет русской науки перед зарубежной.

Один только упрек можно сделать Н. А. Машкину в этой области. В разделе «Принципат в трудах русских ученых» (стр. 350—355) он упустил выдающегося русского исследователя И. В. Нетушила. В своем известном курсе «Обзор римской истории» (1-изд. 1912 г., 2-е изд. 1916 г.) Нетушил уделяет много внимания «правовой основе принципата» и приходит к выводам, предвосхищающим взгляды новейших исследователей.

В монографии использованы все группы источников. Не вдаваясь в детали, необходимо оттенить здесь только некоторые моменты. В изложении событий, предшествующих II триумвирату, широко использован такой первоклассный источник, каким является переписка Цицерона.

Заслугой Н. А. Машкина нужно признать также использование фрагментов незаслуженно забытого греческого историка Николая Дамасского. Его «Жизнь Цезаря» служит одним из важнейших источников для раннего периода жизни Октавиана.

Излишне было бы говорить здесь о значении монет как исторического источника. Они очень широко представлены в рецензируемой монографии (некоторые пущены в научный оборот впервые). Ряд вопросов политической истории изучаемой эпохи находит освещение (а иногда и решение) благодаря искусному использованию монет Н. А. Машкиным. Таковы, например, вопросы религиозной и династической политики Цезаря (стр. 71—72), политической пропаганды (стр. 205—206, 256, 257 и др.), деятельности и программы Августа (стр. 380, 448 и др.), его титулов (стр. 384, 391, 398) и пр. Монография Н. А. Машкина может служить блестящим примером того, каким богатым и многогранным историческим источником являются монеты в умелых руках.

Много места во второй части монографии занимает вопрос о юридических основах власти Августа. Этому целиком посвящен весь раздел «Власть Августа» (стр. 376—401) и значительная часть предшествующего раздела («Проблема принципата в историографии нового и новейшего времени», стр. 338—376). Автор, несомненно, прав, когда он, предвидя упрек, который ему может быть сделан, заявляет: «Нельзя... согласиться с теми, кто считает, что все изыскания, касающиеся оформления власти Августа, составляют что-то несущественное, не помогающее выяснить нам характер политических отношений того времени» (стр. 395). Он также прав, когда указывает на важность юридических категорий в римской политической жизни. И тем не менее вопрос об юридиче-

ском оформлении принципата занимает в монографии непропорционально большое место.

Когда просматриваешь один за другим оба вышеназванных раздела, получается впечатление, что автор немало подпал под некоторое влияние юридического формализма. Нам кажется, например, что для существа дела имеет уже не столь важное значение вопрос, являлась ли *auctoritas* или что другое истинной основой власти Августа. Наше замечание тем более справедливо, что некоторые другие разделы второй части непропорционально малы. Так, например, хотелось бы, чтобы небольшой раздел, скромно озаглавленный «Из жизни римских провинций в эпоху Августа», препратился в настоящий полноценный отдел «Римские провинции в эпоху Августа». Это тем более следовало бы сделать, что роль провинций в образовании принципата не нашла в монографии почти никакого освещения, что является крупным упущением. Нам кажется также, что можно было бы расширить раздел «Социальная политика Августа», хотя вообще-то он написан превосходно.

Чрезвычайно интересен раздел «Римский мир и укрепление устоев рабовладельческого общества». Это — одна из центральных глав монографии. Идея, положенная в ее основу, дает возможность понять и социальный смысл монархии Августа и классовую направленность его реформ. «*Pax Romana*» должен был означать не только прекращение войн, он указывал на необходимость укрепить устои рабовладельческого общества» (стр. 409).

Такое расширительное толкование понятия «*pax Romana*» совершенно правильно, и оно многое объясняет нам в деятельности Августа. И репрессии эргастулов, и законы Фуфия Каниния и Элия Септия, и брачное законодательство становятся нам понятными в свете укрепления основ рабовладельческого общества, потрясенных страшным кризисом I в.

Необходимо также отметить интересное замечание на стр. 418: «Августу удалось предотвратить восстание рабов, но борьба последних против рабовладельцев приняла иной характер: она развертывалась в отдельных домах и поместьях, рабы угрожали жизни своих хозяев, в отдаленных от центра имениях они портили инвентарь, плохо работали, расхищали имущество» (стр. 418). Это замечание многое объясняет нам в характере классовой борьбы эпохи Юлиев-Клавдиев.

В наших беглых замечаниях мы могли только в очень небольшой степени исчерпать богатое содержание монографии Н. А. Машкина. Повторяем еще раз, что ее выход в свет мы считаем крупнейшим событием на нашем историческом фронте. Будем надеяться, что 1949 год стал началом появления больших советских монографий по древней истории.

К сожалению, в книге очень много опечаток: к тем 30, которые указаны в списке опечаток, без труда можно прибавить еще столько же. Но если исключить этот момент, внешнее оформление книги не плохое. Особенно нужно отметить хорошие рисунки монет.

С. И. Ковалев